

из латинского языка, и через польское посредство. С последнего десятилетия XVII в. оно встречается в речи лиц из дипломатических кругов, владевших помимо русского польским или французским языками. Со второго десятилетия XVIII в. слово «нация» укореняется в языке русской дипломатии, администрации, науки, газет, художественной литературы. «Значение, — отмечает «Словарь вхождений», — парод, понимаемый то с точки зрения языковой, этнической (ср.: русская, шведская, французская нации), то с точки зрения принадлежности к какому-либо государству, стране (саксонская нация, московская нация, здешняя нация, фаворизированные нации). Последнее — повод для контекстных смещений в сторону значений: земля, государство, страна».¹⁸ Иными словами, в XVIII в. слово «нация», став полисемантическим, отражает в своей полисемии сословное представление о государствах и странах.

Именно в сословном значении, фиксирующем сложившуюся социальную структуру, и употребляет слово Фонвизин. Он еще находится в плену просветительских иллюзий, поскольку не отвергает в принципе просвещенного абсолютизма, давая развернутую оценку типа «просвещенного государя». Каким он видит такого монарха? «Державшийся правоты и кротости просвещенный государь не поколеблется ни когда в истинном своем величестве; ибо свойство правоты таково, что самое ея ни какия предубеждения, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание поколебать не могут. Сильный и немощный, великий и малый, богатый и убогий, все на одной чреде стоят; — Добрый государь добр для всех, и все уважения его относятся не к частным выгодам, но к общей пользе» (Прилож. Шум. С. 8). Казалось бы, опять у Фонвизина возврат к еще в Петровское время выдвинутому тезису об «общей пользе»; снова возобновляемое требование к монарху быть образцом «чистой нравственности»; указание на необходимость честной службы государству, охраняемому вечными, «непременяемыми законами». Однако историческая дистанция позволяет автору «Рассуждения» увидеть противоречия в представлявшихся прежде столь строгими и незыблемыми понятиях. «Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии. Тщетно было бы вырезывать Его на досках и ставить в Управах; буде не врезано оно в сердце, то все Управы будут плохо управляться. Чтоб устроить правы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах» (Прилож. Шум. С. 12).

Как видим, для Фонвизина панацея от всех злоупотреблений и невзгод — «добрые правы». Нетрудно заметить, что идеи Фонвизина движутся теперь уже в явно наметившемся замкнутом кругу идеологии Просвещения. Так явственно намечается в России начало кризиса идей Просвещения. Ибо, с одной стороны, в это время происходит всплеск критики и отрицания действительности при стремлении сторонников Просвещения не ломать ради-

¹⁸ Там же.